PG 3337
.P593T4
1862

ТЕМНИКЪ.

ИЗЪ

ЗАМѢТОКЪ ПРОѢЗЖАГО.

А. Погоскаго.

Рисунки Трутовскаго. Гравировалъ Гогенфельденъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И К°.

1862.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE 1926

Class PGR 2003
Book .P6
T
YUDIN COLLECTION

ТЕМНИКЪ.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ПРОѢЗЖАГО.

Pogoskii, Aleksandr Fomich
Temnik

ТЕМНИКЪ.

ИЗЪ

ЗАМѢТОКЪ ПРОѢЗЖАГО.

А. Погоскаго.

(4к

Рисунки Трутовскаго. Гравировалъ Гогенфельденъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

PG 3337
.P593 T4
1862

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 8-го Декабря 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И К°.

ТЕМНИКЪ.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ПРОѢЗЖАГО.

«Ой ни знають добрі люди,
«Якъ я бідна плачу:
«За дрібними слізоньками
«И світа не бачу!..»
(Украинская пѣсня).

....На послѣдней станціи передъ городомъ ямщику объяснено было, въ какой именно домъ онъ долженъ завезти меня. Тамъ ожидали меня съ офиціальнымъ нетерпѣніемъ и съ тою офиціально-пріятною улыбкою, сквозь которую проглядываетъ затаенная мысль: "принесла-молъ тебя нелегкая!„

Послѣ тяжелаго и "смашнóго„ малороссійскаго обѣда, я сладко дремалъ, летя по гладкой дорогѣ. Рядомъ со мной мой приспѣшникъ, солдатъ Берковичъ, самъ по себѣ наклевывалъ носомъ, всхрапывая по временамъ, и при каждомъ толчкѣ хватался обѣими руками за свою фуражку. Стукъ колесъ о камни, и скачки моей перекладной повозки разбудили меня: взглянувъ на сѣрые заборы, плетни и приземистыя мазанки, вытянувшіяся

длинной улицей, пересѣкавшей когда-то вымощенную площадь, я опять вздремнулъ, но не надолго: крутой поворотъ въ ворота на широкій, поросшій муравой, дворъ, снова заставилъ меня проснуться.

Ямщикъ, желая лихо подкатить къ крыльцу, свиснулъ на тройку: она неслась, встрѣченная сердитымъ лаемъ дворняшки.

"Стой, стой!!.. вскрикнулъ, какъ сумасшедшій, Берковичъ,—вдругъ привсталъ, схватилъ возжи лѣвой руки и, натянувъ ихъ изо всей силы, такъ круто повернулъ разлетѣвшуюся тройку, что телѣга совсѣмъ накренилась, прокатилась на двухъ правыхъ колесахъ, которыя, мнѣ показалось, переѣхали черезъ взвизгнувшую собаку и какой-то мѣшокъ, валявшійся посереди двора. Не знаю, какъ не опрокинулась телѣга. — дышло съ размаху вломилось въ запертыя ворота сарая.

"А, триста чортівъ!..... успѣлъ воскликнуть ямщикъ, на лету съ козелъ торчмя головой въ дышло. — я очутился на его мѣстѣ. Берковичъ соскочилъ на землю еще до толчка. Притиснутыя къ воротамъ и запутавшіяся въ порванной упряжи лошади такъ оробѣли, что и не пробовали биться, а только дымились паромъ и храпѣли, косясь пугливыми глазами.

Что за оказія! въ этой суматохѣ и визгѣ, позади насъ раздался дѣтскій крикъ: оглянувшись, я увидѣлъ, что изъ-подъ мѣшка, мимо или черезъ который мы промчались, торчитъ дѣтская ручонка: въ то же мгновеніе отъ крыльца къ этому кричащему мѣшку бѣжала жен-

К. Трутовской
Е. ГОГЕНФЕЛЬДЕНЪ

щина — такъ шибко. что даже платья ея нельзя было разглядѣть.

"А. серденько мое. ластівко моя!.. заголосила она. быстро поднявъ ребенка. мигомъ сдернула съ него мѣшокъ и. блѣдная какъ полотно. оглядывала его такими глазами. что у меня занялся духъ. Но ребенокъ уже улыбался. женщина вся покраснѣла; на крыльцѣ между-тѣмъ показалась растрепанная старушка. крикливо спрашивая: "що се таке?.. Подъ навѣсомъ. подлѣ сарая. виднѣлась другая фигура: сѣдой, какъ лунь. старикъ. съ бѣлыми усами и давно небритой бородой. съ обручемъ въ одной рукѣ. съ ножомъ въ другой. вытянулся въ струнку при крикѣ женщины: къ нему прижалась визжащая собака. Онъ медленно опустился на свой деревянный отрубокъ. погладилъ визжавшаго пса и спокойно сталъ доструживать свой обручъ.

Вся эта сцена. можетъ быть. не продолжалась и двухъ минутъ.

Женщина. бросившаяся къ ребенку въ мѣшкѣ, была стройна. молода. съ прекраснымъ профилемъ. но запачканнымъ лицомъ. и неопрятно одѣта. Послѣ раздирающаго крика. она схватила на одну руку полунагаго мальчишку. звонко шлепнула его. перекинула на другую руку мѣшокъ—и. браня. съ хохлацкою выразительностью. улыбающагося малютку. понесла свою ношу обратно на крыльцо. Старухи тамъ уже не было: въ ок-

нахъ дома. между горшками цвѣтовъ, нѣсколько лицъ виднѣлось съ приплюснутыми къ стекламъ носами.

Я не могъ понять этого рѣзкаго перехода отъ отчаянія, вырвавшагося изъ груди ея раздирающимъ крикомъ, къ полному равнодушію и даже досадѣ. Какъ этотъ голосъ, въ которомъ за минуту звучали и нѣжность и страданіе, вдругъ перелился въ сухую воркотню, и слова материнской любви смѣнились бранью и шлепкомъ злой мачихи? — Что за переходы! Тутъ что нибудь да не такъ....

Но, съ крыльца уже направлялся ко мнѣ навстрѣчу толстый хозяинъ. Я отрекомендовался ему.

— Милости просимъ, сдѣлайте одолженіе! мы всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали васъ еще съ прошлаго мѣсяца! — отвѣчалъ онъ, улыбаясь именно такъ, какъ по смыслу даннаго мнѣ отъ начальства предписанія — я ожидалъ.

— Мы васъ такъ долго ждали!... продолжалъ хозяинъ, растягивая слова до нѣжнаго упрека, а улыбку — чуть не до ушей, торчавшихъ у него, какъ у лисицы. — Еще вчера за чаемъ жена поперхнулась. — всѣ, знаете, говоримъ: ну, спѣшитъ нашъ дорогой гость! А вотъ наконецъ и....

При этихъ словахъ мы уже были въ комнатѣ. Изъ другой вышла къ намъ дебелая дама.

Хозяинъ познакомилъ насъ такъ ловко, что нельзя было и разобрать, кого и кому онъ представлялъ — меня ли женѣ своей, или жену мнѣ.

— Мы васъ уже давно ожидаемъ. сказала хозяйка на мой поклонъ. За ней показалась дѣвочка лѣтъ десяти. на которую никто не обращалъ вниманія. а изъ-за дверей послышался усиленный шопотъ: "зроби нипсу. Глашенька. зроби жъ нипсу. ой нипсу зроби. дурна!.. Быстроглазая дѣвочка взялась за юпку матери. покосилась на дверь и неохотно присѣла столько разъ. сколько требовалъ шопотъ: это была — "нипса...

Въ среднемъ кругу чиновнаго и мелкопомѣстнаго общества благословенной Украйны и Западной Руси. вслѣдъ за гостемъ — въ какое бы время сутокъ ни принесла его нелегкая. — всегда является на столъ подносъ съ разными съѣдобностями и графинчиками. Со стороны глядя. всегда можно подумать. что гость все это таскаетъ съ собою: такъ быстро являются съѣдобности.

Подносъ съ выпивкой и закуской внесла та самая красивая и неопрятная женщина. которая только-что изумила меня своей выходкой съ ребенкомъ. Любопытно было узнать. съ какой стати посреди двора очутился мѣшокъ съ человѣчкомъ. — и я обратился къ хозяину. разсказывая мой неудачный въѣздъ на его дворъ.

— Да это вотъ эта дрянь. съ дозволенія сказать. — Параска, никогда не уберетъ своего бахуренка. — началъ было объяснять хозяинъ — но жена перебила его:

— Видите ли. подхватила она: — сынишка ея всегда засыпаетъ на дворѣ. тамъ же. гдѣ ползаетъ и играетъ; кто-нибудь прикроетъ его изъ жалости чѣмъ-по-

пало, онъ скорчится, да такъ и спитъ себѣ, и вообразите — всегда на карячкахъ!

— Неужели на карячкахъ?

— Непремѣнно на карячкахъ! отвѣчала хозяйка.

— Благородное слово. — подтвердилъ улыбаясь хозяинъ, — какъ честный человѣкъ — на карячкахъ!

Въ это время вошла съ чѣмъ-то Параска. Хозяйка сдѣлала ей снисходительный выговоръ за то, что она не убираетъ своего мальчишку.

— А най ёго мама мордуе! — проворчала Параска.

— Да ты, дурень, другихъ-то благородныхъ людей въ непріятность введешь, цыганка ты блудная! Перебѣдетъ его кто-нибудь! возразилъ хозяинъ. Параска улыбнулась и, слегка покраснѣвъ, пробормотала: "а нехай не валяецця!„

— Вотъ-съ, я вамъ доложу, мать-то!... Сущій извергъ, — благородное слово, — хуже тигрицы; это несчастнѣйшій ребенокъ, — какъ честный человѣкъ. Она по крайней мѣрѣ разъ десять въ день его оттреплетъ! Этакая вѣдьма! благородное слово, вѣдьма!

Придавая догматическій тонъ рѣчи своей, и приправляя ее "благороднымъ словомъ„ и "честнымъ человѣкомъ„, такъ щедро, какъ жидъ приправляетъ шабашовую щуку перцемъ, хозяинъ неожиданно остановилъ послѣдній жестъ руки на графинѣ:

"Позвольте васъ просить, съ дороги-съ!„ — и не дожидая отвѣта, налилъ рюмку, выпилъ по туземному

обычаю сперва самъ. сморщился. отставилъ губы и. не глотая напитка опять налилъ. поднесъ мнѣ и только тогда. когда и я выпилъ. — онъ глотнулъ и крякнулъ разомъ со мною.

Между-тѣмъ хозяйка очень мягко и жеманно продолжала вполголоса увѣщевать Параску; та отвѣчала своими: "а нехай ёго. а най ёму!..... и когда прибавила что-то въ оправданіе. то изъ другой комнаты послышался сухой. крикливый. хоть и сдержанный. голосъ: "А брешешь. брешешь. відьмо косматая!.. Но хозяйка сейчасъ же закашляла. вышла въ другую комнату и тамъ дѣло покончилось увѣщательнымъ шопотомъ.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ. я попросилъ хозяина указать мнѣ мою "квартиру.. Мнѣ хотѣлось отдохнуть съ дороги.

— Душенька. господинъ маіоръ желаютъ отдохнуть!

Хозяйка высунула голову въ пріотворенную дверь и объявила. что меня будутъ ждать къ чаю. Раскланявшись. я вышелъ съ хозяиномъ. Онъ провелъ меня черезъ дворъ.

Въ приземистомъ флигелѣ. окна котораго выходили на безконечный огородъ. приготовлены были для меня двѣ чистенькія комнатки: Берковичъ уже распорядился по домашнему.—постель была постлана. Хозяинъ. сказавъ кстати еще раза два "благородное слово.. и "какъ честный человѣкъ... вышелъ. пріятно улыбаясь.

Пропыленный насквозь. я разоблачился. умылся и завалился на отдыхъ. Но мнѣ не только не спалось.

даже не дремалось: вожделенное ощущеніе сытости и усталости боролось во мнѣ съ безпокойной фантазіей; отъ разлада головы съ желудкомъ я страдалъ, какъ обыкновенно страдаютъ невинно-угнетенные: съ покорной злобой.

По обычаю всѣхъ держимыхъ безсонницею, я лежалъ, глядя въ потолокъ. Утомленные, какъ будто засыпанные горячимъ пескомъ, глаза мои не смыкались. На потолкѣ домовитый паукъ заботливо и съ видимымъ знаніемъ дѣла раскинулъ свои тонкія сѣти; работа его казалась конченною, но онъ пробѣжалъ еще разъ по едва замѣтной нити въ уголъ, повернулся тамъ, какъ будто что-то соображая, прикрѣпилъ еще нить и поволокъ ее опять къ центру, къ стратегическому пункту своихъ тонкихъ сооруженій; наконецъ, занявъ обсерваціонную центральную позицію, успокоился и, тихо колыхаясь, отдыхалъ отъ предательскихъ трудовъ и, разумѣется, выжидалъ глупой жертвы.

Въ головѣ безсоннаго человѣка есть тоже какой-то паукъ: чего не наплететъ тамъ безпокойная мысль! Какихъ узоровъ, кружевъ, фигуръ невоспроизводимыхъ никакимъ въ мірѣ искусствомъ, какихъ сѣтей не напутаетъ она, — хотя въ эти сѣти не поймаешь иногда и слѣпой мухи!...

Самыя разнообразныя и безполезныя представленія, какъ по небу гонимыя вѣтромъ толпящіяся облака, невоздержно неслись передо мной: не могъ я ни отвернуться, ни отжмуриться отъ нихъ и съ покорнымъ тер-

пѣніемъ выжидалъ конца несноснаго зрѣлища; мнѣ даже стало казаться, что всѣ эти видѣнія совершаются внѣ меня, а я только по долгу службы присутствую при нихъ.

Дерзость призраковъ дошла до того, что наконецъ изъ ихъ хаоса начинали возникать издѣвающіеся, хотя и беззвучные, вопросы, относящіеся уже прямо ко мнѣ:

"Ну, какой ты майоръ?.. жужжалъ мнѣ въ ухо злобный саркастическій духъ: — "на кой чортъ снуешь ты по россійской имперіи?... какая польза отъ твоихъ нелѣпыхъ прогулокъ?.. И я, невольно робѣя, извинялся передъ нимъ довольно пошло:

"Я не майоръ.. — мысленно отвѣчалъ я придушеннымъ голосомъ: — "я титулярный совѣтникъ! я ѣзжу по предписанію, дѣйствую по инструкціи и смѣю, сказать, (мнѣ казалось, что я положилъ руку на сердце)—добросовѣстно и не безъ пользы!"

Съ хохотомъ и визгомъ на это—неслась ко мнѣ огромная, вся обнаженная, отвратительнѣйшая улыбка:

"Не тебѣ, не тебѣ.. — слышался изъ-за нея голосъ,— не тебѣ улыбаюсь я, оффиціальная дочь казеннаго интереса. — я знаю весь смыслъ даннаго тебѣ предписанія, и мнѣ смѣшна твоя тощая добросовѣстность!...„ И это видѣнье исчезло, но за нимъ снова неслись одинъ за другимъ новые тревожные и нелѣпые призраки, и вереницѣ этой не видѣлось конца!... Вотъ появилась несущаяся тройка, летящая женщина, свирѣпый церберъ, дѣтская рученка.... лай, вопль, младенческій плачъ

сухой крикъ фуріи: "відьмо косматa. видьмо!„ Испуганные кони храпятъ, переѣханный пёсъ визжитъ. растрепанная женщина схватываетъ ребенка и съ проклятіями уноситъ бѣдняжку.... Я бѣгу за ней. но огромнѣйшая улыбка заслоняетъ мнѣ путь: "мы ждемъ васъ на чай. — а не то!...„ улыбающаяся пасть растворилась.... Я не успѣлъ вскрикнуть. какъ передъ глазами моими замерцала свѣча. и Берковичъ повторялъ приглашеніе на чай. — Тьфу, какой скверный бредъ!

Я одѣлся и пошелъ къ хозяину.

Когда я вошелъ въ сѣни. въ растворенныхъ дверяхъ кухни. какъ въ черной рамѣ, представилась мнѣ картина горячей кисти: вся обданная потокомъ свѣта. у пылающаго очага стояла Параска. какъ вѣдьма. и варила въ черномъ котлѣ. помѣшивая огромнымъ половникомъ. какое-то снадобье. Надъ ней. въ темнотѣ запечья. какъ два огонька. горѣли глаза кошки. загляды-вавшей съ карниза очага въ котелъ. На второмъ планѣ. подъ столомъ. ползалъ полунагой мальчишка и силился высвободить запутанную въ какіе-то обрывки свою ножонку. Сѣдой старикъ поотдаль сидѣлъ на скамьѣ и. сурово понурясь. строгалъ свой обручъ. Все это выдвигалось ярко на темномъ, глубокомъ фонѣ: въ концѣ кухни чернѣла еще отворенная дверь и оттуда слышался знакомый старушечій крикливый голосъ. опять вопившій нѣчто — о косматой вѣдьмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. въ эту минуту Параска походила нѣсколько на вѣдьму. хотя на прекрасную вѣдьму: злост-

но улыбалась она. то помѣшивая въ котлѣ, то пошевеливая горячія головни подъ котломъ. — и красный. яркій свѣтъ колыхался и игралъ на всей ея оживленной фигурѣ; черныя пряди и косы густыхъ волосъ не помѣщались подъ туго-завязаннымъ вкругъ головы платочкомъ: всклокоченныя и перепутанныя на затылкѣ. онѣ сбѣгали легко вьющимися кольцами на плечи. Грубая сорочка крупными складками. какъ будто неоконченными подъ рѣзцомъ скульптора. облегала красивыя формы плечь и грудей. и подъ шеей застегивалась оловянной запонкой: узкая. заплатанная крашенинная юпка. темная въ складкахъ. и до бѣла вытертая на всѣхъ выпуклыхъ формахъ тѣла. — составляли все ея убранство.

Вся она походила на эскизъ. бѣгло наброшенный мастерскою кистью: легкость. грація постановки и почти дѣвственная упругость формъ ея—ничего не теряли отъ грубой. изношенной и запачканной одежды. Но всего изящнѣе и оконченнѣе была ея головка и свѣжее овальное лицо: хотя и на бѣломъ лбу. и на румяной щекѣ. и около тонкой ноздри. — то сажа. то уголь оставили свои слѣды. Ее кликнула старуха. — Я пошелъ въ комнаты.

При входѣ моемъ Глашенька. недавно „зробившая нѣпсу„, торопливо выдернула ручонку свою изъ сахарницы. стоявшей вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ на столѣ. и убѣжала въ другую комнату. Сейчасъ же вышелъ ко мнѣ хозяинъ съ своей неизбѣжной улыбкой: минуту

спустя.—хозяйка, и наконецъ явился самоваръ, несомый "вѣдьмой„ Параской.

— Какъ вы опочивали? спросилъ меня улыбаясь хозяинъ. Я отвѣчалъ ему благодарностію за вниманіе, хотя ни чуть не сомнѣвался въ его радости, еслибъ я опочилъ пожалуй безпробуднымъ сномъ тотчасъ же по пріѣздѣ; разумѣется, не лучше оцѣнена была и моя благодарность. И онъ, и я, чувствовали, какъ бы намъ хорошо и ловко было, если бы мы находились гораздо подальше другъ отъ друга. Съ другой стороны — чувство "долга„ брало свое, и надо было продолжать дружескую бесѣду.

Къ концу вечера натянутость нашего положенія кое-какъ стала исчезать: всѣ вздохнули свободнѣе, разговоръ нѣсколько оживился. Вскорѣ новыя лица придали еще болѣе разнообразія бесѣдѣ: крикливая, сухощавая, съ черными, неспокойными глазами, старушка вынесла къ намъ тоже крикливаго, но сыраго, аляповатаго и золотушнаго ребенка.

"Это — матушка наша, а это — нашъ наслѣдникъ!„ отрекомендовалъ хозяинъ. И матушка, и наслѣдникъ сразу завладѣли музыкальнымъ отдѣломъ компаніи и понемногу задали такой концертъ, въ дикихъ акордахъ котораго всякая человѣческая рѣчь тонула безнадежно. При видѣ матери, кипящаго самовара и сверкающей посуды, наслѣдникъ вытягивалъ ручонки, кричалъ и, заливаясь на разные лады, требовалъ родительскихъ утѣшеній, не менѣе шумныхъ: ему звонили самоварной

крышкой, хлопали въ ладоши, пускали странную трель губами: — абрр-рр-рръ! гу-ня!

Бабушка пѣвца вторила ему, какъ будто на струнныхъ инструментахъ, глухой сурдиной: къ этому упражненію побуждали ее — безпрестанно сновавшая изъ разныхъ дверей съ разными ношами грязная Параска и, всюду слоняющаяся, все задѣвающая, шаловливая какъ кошечка, Глаша.

"А не рушъ! на щò то? помалу! хутчій, відьмо лохмата!„ безпрестанно слышались шипящіе звуки и, сливаясь съ криками ребенка, съ звяканьемъ, щелканьемъ и припѣвомъ утѣшающихъ его родителей, какъ будто смягчали общій гвалтъ. Мальчишка-подростокъ, съ нечесанной головой, точно въ косматой шапкѣ, стоялъ наготовѣ у дверей: по требованію подавалъ то трубку, то огонь, и при этомъ, въ дополненіе симфоній, — производилъ своими непомѣрными коричневыми сапогами двойственный стукъ.

Съ добрый часъ длилось шумное представленіе; у меня начинало позванивать въ ушахъ.

— Вы не женаты, г. майоръ? вамъ можетъ быть непріятно? спросилъ хозяинъ.

— Не женатъ. — отвѣчалъ я. — но понимаю.... Въ эту минуту маленькій пѣвецъ стукнулъ себя ложкой по переносью и, какъ говорится, "зашелся„. Онъ "заходился„ нѣсколько разъ, захлебываясь и стихая чуть-что не по минутѣ, и снова взвизгивалъ безконечнымъ подголоскомъ. Его вынесли и заперли за нимъ двои двери.

Въ комнатѣ водворилась тишина. и только тогда я замѣтилъ еще двухъ сокрытыхъ музыкантовъ: то были два перекликавшихся. гдѣ-то за печкой. сверчка.

Еще поболтали мы кой-о-чемъ. еще покурили, — и вечеръ кончился, по обыкновенію требовательныхъ провинціяльныхъ желудковъ, основательной закуской.

Однообразно тянулось пребываніе мое въ Г***: днемъ официальное броженіе по доламъ и лѣсамъ этого уѣзда, иногда ночлеги въ деревнѣ, а по большей части возвращеніе къ вечеру въ городъ; кой-какія занятія вечеромъ у себя. и изрѣдка — бесѣда у хозяина. Очень скоро ознакомился я со всѣмъ населеніемъ двора, и понялъ всѣ нехитрыя и очень невеселыя семейныя отношенія этого дома.

Знакомство мое съ ними совершилось просто: я вставалъ рано и обыкновенно располагался съ стаканомъ чаю на лавкѣ. у дверей моей обители. Всегда первымъ являлся ко мнѣ Космачъ, кудлатый пёсъ; еще не зажила его лапа, переѣханная колесомъ телѣги при первомъ въѣздѣ моемъ, а онъ ужъ прибѣгалъ ко мнѣ, дружелюбно виляя хвостомъ и осклабляясь выразительно. За нимъ слѣдовалъ постоянный товарищъ его — козелъ Васька, вѣчно жующій и глядящій такъ открыто-вопросительно, какъ будто бы онъ только-что предложилъ какое нибудь полезное мнѣніе и ожидаетъ отвѣта. Наконецъ, два храбрые и гордые пѣтуха осторожно приближались съ своимъ безчисленнымъ гаремомъ. Публика эта толпилась въ ожиданіи подачки—какой-нибудь

крохи, изъ-за которой иногда диралась между собой довольно забавно.

Вскорѣ въ этой толпѣ началъ показываться и Прошка, сынишка Параски; не чувствуя еще своего человѣческаго достоинства, онъ обыкновенно прибывалъ ползкомъ, очень проворно, помѣщался среди животныхъ, которыя не обращали на него никакого вниманія, и если я бралъ его къ себѣ на колѣни и давалъ ему кусокъ булки или сахару, то несмотря ни на какія предосторожности, кто нибудь изъ звѣриной компаніи улучалъ минуту и безъ церемоніи вырывалъ подачку изъ рукъ мальчишки. Даже куры обирали его съ замѣчательнымъ нахальствомъ. Человѣкъ, разумѣется, царь между животными, — но не прежде, какъ уже умѣетъ владѣть палкой.

Этому царю, обижаемому курами, было немножко больше года. Грязный, но красивый, онъ былъ весь въ маменьку. Сквозь наслоенную на его лицѣ грязь пробивался румянецъ во всю щеку: розовое и твердое тѣло его было покрыто синяками и царапинами, а ляжки и ножонки были совсѣмъ ободраны отъ ползанья. Мальчикъ былъ всегда веселъ, плакалъ очень рѣдко и въ мигъ утѣшался, чѣмъ попало: пропорхнувшей мимо его птицей, блестящимъ въ травѣ камешкомъ, перомъ несшимся по вѣтру. И на всякую ласку онъ улыбался такъ мило, что нельзя было равнодушно пройдти мимо этой улыбки, нельзя было не насладиться ею.

День-деньской путешествовалъ онъ по своему спо-

собу,—ползая то на одномъ, то на другомъ бедрѣ; онъ искрещалъ весь дворъ, очень ловко перелезалъ разныя препятствія въ видѣ бревенъ, вязанокъ хворосту, складенныхъ жердей. И когда случалось, что немощная плоть его измѣняла духу предпріимчивости и онъ летѣлъ кубаремъ съ какой нибудь долбни или порога, то онъ пробовалъ громко плакать, но не замѣчая ничьего участія къ своему горю, умолкалъ и пуще прежняго, съ какимъ-то задоромъ пускался на новое предпріятіе. Регулярно два раза въ день, по утру и подъ вечеръ, мгновенно засыпалъ онъ тамъ же, гдѣ игралъ.—чаще всего посреди двора. Казалось, малютка, взглянувъ на приближавшагося, ему одному видимаго, тихаго ангела сна, покорно закрывалъ свои свѣтлые глазенки, съ улыбкой опускался, ёжился и — уже спалъ, по странной привычкѣ: скорчившись на четверенькахъ. Почти всегда тотчасъ же являлся и Космачъ, и съ замѣтнымъ удовольствіемъ ложился тоже на отдыхъ возлѣ спящаго ребенка. Что его привлекало: кусокъ ли хлѣба, выпадавшій иногда изъ ручонки соннаго младенца, инстинктивное ли побужденіе долга — охранять спящаго сына, часто бросавшей ему кость матери, или просто желаніе пріютиться возлѣ теплаго тѣла? Это уже собачья тайна.

Параска была еще оригинальнѣе своего сына. Она напоминала собою тѣ картины, съ которыми время и обстоятельства распорядились по своему, и которыя невозможно очищать отъ копоти и плѣсени, не испортивъ самой живописи. Въ полусвѣтѣ сумерекъ, на извѣст-

номъ разстояніи и на быстромъ ходу — она казалась прекрасна: спокойныя и мягкія линіи стройной фигуры ея очерчивались очень изящно; правильныя формы тѣла ея, прикрытаго скудной одеждой, обозначаясь во всей полнотѣ, обнаруживали строгую пропорціональность; всегда босыя ноги и по локоть обнаженныя руки были нѣжно округлы и стройны.

Всѣ движенія ея, хотя и порывистыя, были исполнены той граціи, которая никогда не пріобрѣтается искусствомъ и никогда не утрачивается окончательно, даже среди самыхъ грубыхъ и постоянныхъ физическихъ трудовъ. Словомъ, силуэтъ Параски былъ удивителенъ.

За то въ свѣту, вблизи, пластическая красота этой Сандрильоны являлась далеко не привлекательною. Кожа рукъ и ногъ ея потеряла свой тѣлесный цвѣтъ и походила на потрескавшую юфть; лицо, какъ будто нарочно было выпачкано сажей, пылью, копотью, и только мѣстами яркій румянецъ щеки, бѣлизна около уха или шеи — свѣжимъ пятномъ пробивались сквозь эту грязь. Тонкія брови, длинныя рѣсницы и бѣлые зубы еще сильнѣе противорѣчили общей неопрятности ея фигуры.

Съ самаго ранняго утра начиналось безконечное снованіе этой замарашки по всѣмъ закоулкамъ двора и дома, а за ней — усиленное ползаніе Прошки, безпрестанные шлепки и крикъ его: "мамо, мамо!„ Не было, кажется, въ домѣ работы, которая бы не лежала на Параскѣ: она должна была поспѣвать всюду,—и въ то время, какъ на кухнѣ, и подъ навѣсомъ, и въ огородѣ,

копошилась разная челядь за разнымъ дѣломъ,—Параску кликали и на кухню, и подъ навѣсъ, и въ огородъ, и она летала изъ конца въ конецъ, какъ маятникъ, дающій движеніе всей этой хозяйственной машинѣ. И рѣдко имя ея произносилось безъ какого нибудь эпитета: "трясьци, бѣсы, вѣдьмы и разные черти„ такъ и сыпались на нее.

При всемъ томъ, лицо ея, постоянно строгое, озлобленное, какъ-то пасмурно улыбавшееся, иногда такъ просвѣтлялось, что она совсѣмъ не походила на себя: но это бывало на мигъ, и этотъ мигъ нелегко было подмѣтить. Вставая обыкновенно рано, и молча бродя, гдѣ придется, — я мимоходомъ замѣтилъ, что Параска только при-людяхъ принимала на себя озлобленное и понурое выраженіе; но когда была одна и не подозрѣвала, что ее видятъ, — брови ея расправлялись пріятными дугами, и подъ часъ, работая наединѣ, она ворковала себѣ по́дъ-носъ пѣсенку.

Съ ребенкомъ своимъ она обращалась еще загадочнѣе; она еще кормила его грудью и обыкновенно наскоро, гдѣ выпадетъ. Операція эта никогда не обходилась безъ брани и шлепковъ; но ребенокъ и при этомъ велъ себя, какъ прямой *обоешъ:* онъ не вдругъ бралъ грудь, игралъ ею и смѣялся, иногда сквозь слезы; видно было, что тогда только и выступали эти слезы, когда ужь въ самомъ дѣлѣ было больно, слишкомъ ужь горѣло и свербѣло ударенное мѣсто; но въ минуту слезы смѣнялись улыбкой — мальчикъ смѣялся снова. Разъ только, выглянувъ

какъ-то изъ окна моей комнаты на огородъ, увидѣлъ я ласку и поцѣлуй, которымъ мать надѣлила своего сынишку, расположась на грядѣ кормить его. Она встрѣтила глаза мои и вслѣдъ за тѣмъ раздался обычный плепокъ и плачъ. Я упрекнулъ ее за такое обхожденіе съ ребенкомъ.

— Або щó? спросила она, плутовски улыбаясь.

— Да какъ же тебѣ не стыдно? онъ тебя любитъ и такой славный ребенокъ.

— О, та се паскуда! най ёго дідько вíзьме! и она щолкнула его такъ, что онъ вскрикнулъ.

Я затворилъ окно.

Замѣчательнымъ лицомъ былъ также безмолвный старикъ, постоянно стругавшій обручи подъ навѣсомъ, устроеннымъ въ углу двора. Сѣдой, морщинистый, но еще недряхлый, въ чобóтяхъ и обширныхъ полотняныхъ шараварахъ, типъ отживающаго украинскаго козачества,—отъ зари до зари возсѣдалъ онъ на дубовомъ обрубкѣ, посреди разныхъ колодъ, плахтъ, клепокъ, кучъ хворосту и разнаго подѣлочнаго хлама — и пристально строгалъ всегда какой нибудь обручъ. Ни для кого изъ проходящихъ не поднималъ онъ головы, ни на кого не взглядывалъ даже изъ подлобья.

Одинъ только Прошка пользовался не только его благосклонностію, но и правомъ во всякое время прекратить его работу: онъ подползалъ подъ самый строгаемый обручъ, хватался за него ручонками и подымалъ свою веселую головку, лепеча: "дíдя, дíдя!„ И дѣдъ

упирался рукой, держащей ножъ, въ свое колѣно, позволялъ мальчику завладѣть обручемъ, суровыя черты лица его смягчались, бѣлые усы шевелились привѣтно: "го́ді, Прошка, го́ді, дити́но!„ произносилъ онъ хриплымъ голосомъ, въ интонаціи котораго всегда слышалась нѣжность; "годі, хлопче!„ а самъ не прикасался къ работѣ, изъ которой ребенокъ сдѣлалъ себѣ игрушку. По-долгу сидѣлъ иногда дѣдъ, увѣщевая напрасно малютку, — и старое лицо его все свѣтлѣло, глаза не отрывались отъ крошечнаго баловня.

Сперва никакъ не удавалось мнѣ познакомиться покороче со старикомъ: на всѣ разговоры и вопросы мои онъ отвѣчалъ всегда сухо, отрывисто и неохотливо, и мнѣ совѣстно было настаивать. Но старикъ частенько закуривалъ свою коротенькую "люльку„ — и это помогло мнѣ сблизиться съ нимъ: замѣтивъ, что онъ куритъ очень ѣдкій табакъ, я предложилъ ему однажды крѣпкую сигару; можетъ быть, не желая обидѣть меня отказомъ, онъ принялъ по настоянію моему, искрошилъ ее и наколотилъ свою носогрѣйку.

"О, се́ добрій тютюнъ!„ сказалъ старикъ, покуривая и поплевывая съ видимымъ удовольствіемъ. Всякій день я давалъ ему двѣ-три сигары; старикъ благодарилъ, иногда приговаривая, въ видѣ извиненія себѣ: "бо хто чимъ закусить, поки́нути не мусить!„

Однажды, заставъ его въ переговорахъ съ Прошкой, я предложилъ ему сигару, а Прошкѣ пряниковъ, запасъ которыхъ былъ сдѣланъ у меня собственно для него;

К Трубецкой
Гогенфельдъ

я присѣлъ на колоду и понемногу у насъ со старикомъ завязался разговоръ. Было раннее утро, паны еще спали; Параска. Прошка и дѣдъ всегда первые показывались на дворѣ, и на этотъ разъ Параска обѣгала разные хозяйственные пункты: — домашняя птица, телята, поросята преслѣдовали ее и толпились у ея ногъ.

Старикъ сидѣлъ противъ меня на своемъ обрубкѣ, съ празднымъ ножемъ въ рукѣ, съ люлькой въ зубахъ; у нашихъ ногъ, на стружкахъ и щепкахъ, Прошка возился съ остроганнымъ до половины обручемъ; Космачъ, вѣроятно позавтракавшій, валялся около ребенка и задиралъ его съ собачьей любезностью и игривостію сытаго животнаго. Дѣдъ, завлеченный моими распросами, ровнымъ голосомъ разсказывалъ про "старовину„.

Какъ ни тѣсна была рама картины, воспроизводимой блѣдными воспоминаніями старика, но сила правды придавала ей незамѣнимое достоинство. Нѣсколько разъ удавалось мнѣ бесѣдовать съ нимъ, и каждая бесѣда приносила не только новое удовольствіе, но и новую черту, новый оттѣнокъ свѣдѣніямъ о времени "козачества„, о прошломъ бытѣ Малороссіи. Я и не подозрѣвалъ найти каѳедру подъ дровянымъ навѣсомъ, но вышло почти такъ: въ повѣсти своей, дѣдъ нисколько не выставлялъ свою собственную личность, какъ это обыкновенно случается со всѣми непризваными повѣствователями. Когда-то горячій козакъ, онъ остался прямымъ человѣкомъ и любилъ вести рѣчь только о томъ и гордиться только тѣмъ, что̀ дало ему козачество. Говорилъ онъ о прежъ-

нихъ прихатныхъ хуторахъ, тѣнистыхъ садахъ и богатыхъ пасѣкахъ въ гущинѣ дубовыхъ и липовыхъ урочищъ: "Була и въ мéне така!„ примолвилъ дѣдъ къ слову о пасѣкѣ, —и вздохнулъ при этомъ; но онъ вздохнулъ не о томъ, что "сгинули сімдесятъ колодъ„ его, а глянувъ въ сторону, и слегка взмахнувъ рукой держащей ножъ, —вздохнулъ онъ о томъ, что перевелось уже приволье богатой Украйны и Заднѣпровья, что "тепéра гэть-пусто на цілый край, на усі чотирі вітри! не тиі времена, не тиі звычаі!„ что еще хлопцемъ слыхивалъ онъ отъ "батьківъ„, какъ, бывало, по Ляхахъ и по татарщинѣ, лоскомъ выжженныя и истребленныя села—въ пять-шесть лѣтъ опять обстраивались и процвѣтали, и снова "стодоли й комори„ наполнялись "підъ стріху„ всякой благодатью. А теперь не то: и порядки другіѣ, и народъ "мудрійшій ставъ„ — да нѣтъ! Словно земля извелась и не родитъ противъ прежняго, словно люди измельчали и обезсилѣли, и заботы у нихъ все про себя, мелкія, не прежнія: сады, лѣса, пчелы, воды—все истощается, переводится, портится, и словно никому до того и дѣла нѣтъ. "Багато панівъ, а на греблю и нікому!„ заключилъ старикъ, и тяжко вздохнулъ, добывая изъ-за голенища полинялый ситцевый "капшукъ„ и выколачивая о дубовую плахту золу изъ своей люльки.

Однажды я спросилъ его о Параскѣ, — я слышалъ, что она приводилась ему сродни, — старикъ отвѣчалъ очень уклончиво.

— Зачѣмъ она такая злая и такъ бьетъ своего мальчишку? спросилъ я.

— Молоде, дурне! отвѣчалъ старикъ и, нагнувшись къ кучѣ лѣщины, сталъ выбирать годную на обручъ хворостину. Онъ избѣгалъ этихъ распросовъ.

Кромѣ описанныхъ мною лицъ, дворня моего хозяина пополнялась кривой кухаркой, — личностью ничѣмъ не выдающейся изъ "толпы„; еще какой-то бабой, вѣчно стирающей или развѣшивающей разное предосудительнаго вида тряпье; кучеромъ, проживавшимъ вмѣстѣ съ лошадьми, гдѣ-то "во лузяхъ„, и наконецъ, косматымъ чоботоносцемъ, мильчишкой приглуповатымъ, смирнымъ и замѣчательнымъ только никогда нечесанной головой и несоразмѣрно-обутыми ногами. Все остальное пространство въ немъ между этими полюсами представляло какой-то рядной мѣшокъ съ торчащими изъ него руками; любое чучело на горохѣ не менѣе походило бы на человѣка, если бы сдвинулось по зову съ своей тычины. Остальные мужики и бабы, показывавшіеся на кухнѣ, на дворѣ и на огородѣ, были временные слуги — "стойчики„, то есть нѣчто въ родѣ казенныхъ барщинниковъ.

Настолько же, какъ съ плебеями, ознакомился я и съ "благороднымъ„ сословіемъ этого маленькаго и грязненькаго міра: хозяинъ оказался простакомъ, ловко, хоть на-скоро, по русской способности, охохлаченнымъ рязанскимъ полубариномъ, вообще добрымъ малымъ и второстепеннымъ лицомъ въ домѣ. Въ его власти было только выпить и закусить, сколько душѣ угодно, въ

положенные часы, а при гостяхъ — и сверхъ положенія. Положенные и сверхъ положенія часы эти онъ употреблялъ, видно, ловко, потому что былъ откормленъ, для человѣка—до нелѣпости. По службѣ онъ былъ ходокъ: если выжимается что нибудь изъ камня, то состоявшіе въ его участкѣ камни ужь не дали бы никакого соку,—это вѣрно. Но такъ какъ чистота совѣсти въ чиновникѣ, завѣдывающемъ чѣмъ бы то ни было казеннымъ, опредѣляется исправнымъ состояніемъ—т. е. чистотой — его шнуровыхъ книгъ, то по повѣркѣ послѣднихъ онъ могъ оказаться совершенно безгрѣшнымъ. Правда, что бдѣніе надъ чистотой книгъ и цифръ, да и вся распорядительная служебная часть, лежали на какомъ-то миѳическомъ писарѣ, проживавшемъ гдѣ-то на хуторѣ; но мы не видимъ надобности вводить въ нашъ разсказъ лишнее лицо, тѣмъ болѣе, что въ натурѣ лицо это было порядочно подбито.

Супруга почтеннаго хозяина была видная женщина, о которой особеннаго сказать нечего. Совершенно довольно замѣтить, что она была здорова, и при томъ кажется—хорошо знала цѣну своему мужу,—неставила его въ грошъ.

Наконецъ, Глашенька — старшая дочь отъ первой жены хозяина, быстрая, хорошенькая дѣвочка; но она была въ конецъ испорчена тѣми постоянными невзгодами, которыя такъ часто падаютъ на беззащитныя головы сиротъ, пасынковъ и падчерицъ. Мнѣ почти не случалось иначе видѣть ее, какъ за какой нибудь шалостью или

подъ какимъ нибудь штрафомъ. То она обрывала цвѣты на окошкѣ, кроила чей нибудь носовой платокъ, лазила какъ мальчикъ, по прясламъ и плетнямъ, — то стояла въ углу, или на колѣняхъ, заливаясь слезами и выразительно почесываясь, разумѣется, отъ боли. Шила и читала она всегда со слезами на глазахъ, съ краснымъ ухомъ, — и такъ егозила на своемъ стулѣ и перебирала ножонками подъ столомъ или пяльцами, что, разумѣется, всегда выводила изъ терпѣнія всю нелюбившую ее семью.

"Глашка — дрянь, паскуда! а щобъ тобі!...„ слышалось цѣлый день, на разные лады, и нерѣдко за этимъ раздавался звукъ затрещины.

Но главнымъ Тамерланомъ ея и всего дома была хозяйская "матушка„ сухая, злобная, крикливая старушка. Какъ исправный капитанъ корабля, несомаго бурей, поспѣваетъ всюду, и всюду слышится его правительственный голосъ и команда, такъ точно этотъ неутомимый капитанъ въ юпкѣ, сварливая старуха — не только поспѣвала накричать и накомандовать всюду, но съ самаго утра сама во всѣхъ углахъ дома создавала бурю и ревностно поддерживала ее до глубокой ночи. Преобладающимъ элементомъ, или нравственнымъ атмосферическимъ двигателемъ этихъ шкваловъ — была ненависть ея къ тремъ существамъ: Параскѣ. Прошкѣ и Глашѣ; кажется, трудно было бы рѣшить, кого изъ нихъ болѣе она не терпѣла. При жолчной злости старухи, достаточно было ей встрѣтить которое-нибудь

изъ этихъ трехъ лицъ, — все равно, за какимъ бы занятіемъ она ихъ ни застала, хотя бы за богомольемъ, — она не могла пройти, чтобы не посычать мимоходомъ. Изобрѣтательность же казней за какіе нибудь проступки и всевозможныхъ предохранительныхъ стѣсненій — въ старухѣ была по истинѣ замѣчательна.

Однажды, въ сильный дождь, проходя къ хозяевамъ мимо отворенной кухни, увидѣлъ я тамъ Пропку подъ столомъ; я остановился и позвалъ его, — онъ бросился было ко мнѣ съ своей обычной рѣзвостью, но вдругъ упалъ, ударился носомъ въ полъ и закричалъ благимъ матомъ, растянувшись и не вставая. Я подошелъ къ нему и увидѣлъ, что онъ привязанъ за ножонку къ кухонному столу; мнѣ объяснили, что это по приказанію "старой„ обыкновенно дѣлается въ дурную погоду: когда ему нельзя быть на дворѣ, — чтобы онъ, ползая подъ ногами, не мѣшалъ людямъ. Я отвязалъ бѣдняжку, взялъ на-руки, унялъ его плачъ и понесъ въ комнату къ хозяевамъ. Трудно представить себѣ злобу старухи, когда она увидѣла его у меня на рукахъ.

— А що це ви робитэ? А якъ же то можна.... такій поганій бахуренокъ!... увѣщевала она меня на распѣвъ.

— Да вѣдь это ангелъ! отвѣчалъ я старухѣ. Ее всю подернуло злостью; она плюнула. — "Та де жъ таки... паскуда!„ и она клокотала про себя, приплевывая.

— Вы, какъ я вижу, любите дѣтей! сказалъ улыбаясь хозяинъ. — Вамъ бы надо жениться! — замѣтила

улыбаясь хозяйка, но на лицахъ ихъ сквозь улыбку проглядывало выраженіе глубокаго отвращенія. Какъ косой лучъ солнца, ударяя въ тинистую лужу, — вмѣсто того, чтобы заиграть тамъ огонькомъ, только и сдѣлаетъ, что освѣтитъ всю шевелящуюся инфузоріями плѣсень и грязь, — такъ, или почти такъ, улыбка — этотъ чистый лучъ довольной души, возбужденная насильственно на злобномъ лицѣ — только и освѣтитъ на этомъ лицѣ одно безобразіе злобы. — Но хозяева мои продолжали насильственно улыбаться: старуха выражала невоздержное отвращеніе; Прошка, открывъ губенки, съ удивленіемъ глядѣлъ на зеркало; а Глаша, окинувъ всѣхъ плутовскимъ взоромъ, съ хитрой улыбкой посматривала на свою злящуюся бабушку.

— Пойдемъ-ка, братъ Прошка, до дому! Я унесъ его; но въ сѣняхъ отняла его отъ меня Параска; еще я не дошелъ до моей квартиры, а ужь доносился до моего слуха крикъ ребенка и учащенное, какъ показалось мнѣ, шлепанье.

— А бо, дай вамъ!... — какъ говорятъ малороссы, не договаривая бо, дай—чего. — думалъ я, садясь за столъ оканчивать рѣзьбу, начатую на немъ перочиннымъ ножикомъ какимъ-то, вѣроятно праздным, искусникомъ.

Задумался я объ этихъ бѣдныхъ людяхъ — о семьѣ моего хозяина. Какую каторгу умѣютъ сочинить себѣ люди: безъ всякой надобности, по глупѣйшему произволу дикой привычки, кричатъ, злятся, страдаютъ и,

какъ будто упиваясь своимъ же возмущеніемъ, язвятъ сами себя, какъ скорпіоны. И невольно сознавая, чуя свою непотребность,—какъ тщательно и какъ напрасно стараются они скрывать свои язвы отъ глазъ посторонних ъ!

Тревожный деспотизмъ невѣжества! — недаромъ люди называютъ тебя чортомъ: "чортъ, говорятъ, вселился въ семью!„ — Куда бы ни вселился ты, безобразный, вездѣ ты сѣешь одно и тоже — угнетеніе и слезы....

Семейству, точно также какъ и обществу, на какой бы степени умственнаго развитія они ни стояли, для полнаго спокойствія, для счастія, прежде всего необходима — нравственная свобода. Она — солнце нашей нравственной жизни и всѣхъ ея матеріальныхъ проявленій. Не давайте ничего, кромѣ этой свободы, и общество или семейство изъ ничего создастъ и устроитъ свое счастье; дайте все, кромѣ этой свободы — люди будутъ богаты, пожалуй—образованы и даже учены,— но непремѣнно несчастливы. Да и всѣ богатства и блага ихъ, въ строгомъ смыслѣ — невозможныя въ обществѣ, лишенномъ нравственной свободы, — исказятся, выродятся въ зло и станутъ прямой причиной несчастія обладающихъ ими.

Въ семействѣ, конечно, такъ же какъ и во всякомъ обществѣ, главная причина непокоя и несчастій всегда одна—нравственный гнетъ. Неизбѣжный признакъ этой семейной проказы — ложь во всѣхъ ея видахъ и степеняхъ, начиная отъ обольщающаго притворства до ци-

ническаго безстыдства, отъ шаловливой хитрости до предательскаго коварства.

И эта нравственная уродливость всегда отражается во всѣхъ аксесуарахъ человѣка: недаромъ каждый стулъ у Собакевича какъ будто говорилъ — "и я тоже Собакевичъ!„

Въ самомъ дѣлѣ, — въ домѣ моего настойчиво-улыбающагося хозяина все носило на себѣ отпечатокъ насилія и заколоченности; даже на бездушныхъ предметахъ выражалась какая-то натяжка: мебель была покрыта такими узкими чехлами, что каждый стулъ походилъ на семинариста, давно выросшаго изъ своей ветхой "фанаберіи„. Оконные цвѣты были перевязаны такъ туго, какъ вяжутъ только вѣники; а къ гирямъ стѣнныхъ часовъ нацѣплено столько подковъ, плитокъ и разнаго желѣза, что, глядя на нихъ, невольно рождался сострадательный вопросъ: какъ это они ходятъ? Все, что́ было одушевленнаго въ домѣ, — безпрестанно либо ругало, либо было ругаемо, либо обругивалось взаимно—то шопотомъ, то, смотря по удобству, во все горло, и только въ крайнихъ случаяхъ одиночества ворчало и роптало себѣ подъ носъ; но довольно было мухѣ пролетѣть мимо — и она тотчасъ обругивалась громогласно.

За то, не смотря на богатство украинской природы, несмотря на изобиліе средствъ и удобствъ жизни, — всѣ жители дома отличались болѣзненными, удрученными физіономіями: лица—то пожелклыя, сухія, неспокойныя,

судорожно-подёргивающіеся; то набряклыя, подпухлыя, и какъ будто никогда невысыпающіеся.—Только Параска съ своимъ сыномъ — цвѣла какъ макъ, и безмолвный дѣдъ казался, хотя всегда пасмуренъ, но крѣпокъ и свѣжъ для своихъ преклонныхъ лѣтъ.

На днѣ темной пропасти, куда не досягаетъ лучь солнца, растутъ и плодятся только своеобразныя, грубыя, невзрачныя растенія.—А если при нихъ выпрыснетъ и развернется какой нибудь миловидный цвѣтокъ,—то это гость случайный: или вѣтеръ занёсъ туда его летучее семячко и онъ долженъ скоро завянуть, ссохнуть; или же онъ выросъ съ краю, и есть какая нибудь щель, сквозь которую на одного его, хоть на мигъ брызжетъ живительный лучь солнца. Иначе расти ему нельзя: неживутъ нѣжные цвѣты межъ сорныхъ травъ, опутывающихъ и заглушающихъ всё, что взошло близь нихъ.

Точно такъ же, не живетъ красота—румянецъ, свѣжесть, упругость и грація здоровья — въ тревогѣ и гнетѣ безнравственной семьи. А если и выдастся тамъ такое милое явленіе, то оно случайно: или оно неуспѣло еще завянуть,—или и ему сквозь какую нибудь незамѣтную щель, хоть на мигъ, свѣтитъ живительный лучь нравственнаго солнца—свободы.

Прогостивъ въ этомъ домѣ уже недѣли три, я легко убѣдился, что эта пропасть слишкомъ глубока для всякихъ свѣтлыхъ лучей. Съ грустью глядѣлъ я на цвѣтущаго ребенка и его молодую мать: выродиться и

вамъ въ эти колючія, сорныя растенія человѣчества,— или завянуть, погибнуть—другаго исхода нѣтъ!...

Параска была собственностью хозяина и, очевидно, необходимою въ домѣ. Ея постоянное ожесточеніе и отвратительное обращеніе съ ребенкомъ были невыносимы. До-того было больно глядѣть на нихъ, что я иногда отворачивался—не только отъ неё, но и отъ бѣднаго ребенка, и поскорѣе проходилъ мимо.

Въ безпомощномъ, порѣшономъ несчастіи есть что-то до-того отчаянное, отпѣтое, что само состраданіе нѣмѣетъ и, въ стыдѣ своего безсилія, бѣжитъ прочь отъ этаго бѣдствія, какъ отъ чумы...

Отворивъ, какъ-то рано поутру, окно моей комнаты, я увидѣлъ подъ окномъ копающуюся въ грядахъ Параску. Я заговорилъ съ ней, выразилъ ей мое соболѣзнованіе о ея трудномъ положеніи, попытался было вразумить ее, объясняя ей несправедливость ея ожесточенія и неминучія послѣдствія такого раздраженнаго состоянія, — я жалѣлъ о ея сынѣ, о ней. Она поглядѣла на меня пристально, горько улыбнулась и, отвѣтивъ: "ой, пане, — мині и такъ добре!„ — скрылась.

Вечеромъ зашелъ ко мнѣ хозяинъ; за чаемъ, болтая кое-о-чемъ, я свелъ разговоръ на Прошку, спросилъ и о Параскѣ. Хозяинъ началъ объясненіе съ того, что она дрянная женщина, безсердечная, злая.

"Лѣтъ, извольте видѣть, 10 тому назадъ, — разсказывалъ онъ, — досталась мнѣ вся семья эта довольно сходно, отъ одного благороднаго дворянина; взялъ я ихъ

самъ-четвертъ: отца, мать, сына,—а она, дочь, извольте видѣть, по уговору должна была дослуживать еще лѣтъ пять у тетеньки этого дворянина; она была отдана туда съ измальства; — ей теперь, я думаю, лѣтъ этакъ двадцать. Вотъ-съ, и было очень хорошо: отецъ отличный колесникъ, даже брички сооружалъ; ну, былъ изъ него кучеръ тоже; а мать хорошо ткала и варила недурно, могла быть кухаркой, — непышной, а такъ, по нашему положенію. Сынъ, то есть братъ Параски, мальчишка лѣтъ 15, проворный, доложу вамъ, каналья; пріучилъ я его къ себѣ: онъ и ѣздилъ всегда со мной, да года въ два такъ испакостился, — благородное слово, — чортъ знаетъ, что изъ него вышло, — такъ, что я вынужденъ былъ отдать его въ солдаты подъ зачетную квитанцію, за помѣщика одного, еще кумъ мнѣ приходится и отмѣнный человѣкъ, какъ честный человѣкъ,—душа!...

Ну, я, признаться, ничего не потерялъ бы; одначе мать, эта кухарка-то, вскорѣ ни съ того, ни съ сего, а можетъ быть и съ холеры—возьми да и умри; отецъ, колесникъ-то, трезвѣйшій сперва былъ, изволите видѣть, человѣкъ, — ни съ того, ни съ этого какъ запилъ, да какъ пошелъ бродить, такъ и по сегоднишній день волочится, и ни сбыть его, ни дома удержать ничѣмъ, благородное слово, невозможно. Я было и по-отечески, и такъ просто словами, и призапиралъ на денька три-четыре — все пробовано-съ! Это все равно, доложу вамъ, какъ собака: отбилась отъ двора — шабашъ! и не мучьтесь напрасно.

А насчетъ Параски, извольте видѣть, шла все время переписка черезъ земскую полицію: все ее отпустить не хотѣли; да я взялъ и "попросилъ„ хорошенько въ земскомъ судѣ: ее вотъ прошлаго года и представили по этапу-съ ко мнѣ, да гляжу, — и съ бахуренкомъ — былъ еще онъ съ кошку, весь съ кулакъ мальчишка, въ тѣ поры.—Это что? спрашиваю.—Сынъ, говоритъ.— Откуда, гдѣ твой мужъ, что ли?—Въ москали пішовъ. — А папіры гдѣ? — Не ма нічого! — Какъ такъ?... Ну, извѣстно — баба глупая, ничего не понимаетъ, но такая, съ дозволенья сказать, шельмоватая, упорная, что самъ чортъ, какъ благородный человѣкъ, не допытается по сю пору отъ нея ни слова о прежней ея жизни и способѣ поведенія-съ. Подлецъ-баба, какъ честный человѣкъ, подлецъ! Я было опять въ переписку: пишу разъ, пишу другой, третій, — я вамъ доложу, пишу,—а мнѣ по настоящее число—ни гу-гу! никто и не отвѣчаетъ...

— Однако она честная женщина? спросилъ я.

— Да какъ вамъ сказать, — ничего такого особеннаго, извольте видѣть, не видно: и преповоротливая, бестія, да чортъ ли въ томъ, коли дрянь во всѣхъ отношеніяхъ!

— То-есть, въ какихъ же?

— Да какъ вамъ сказать, вѣдь вы сами могли замѣтить — грубіянство и дрянь! Она, извольте видѣть, здоровенная, работящая, да чортъ ее знаетъ, никакой нѣтъ этакой привязанности, благодарности, а точно такъ,

какъ и всякая этакая.... Да Богъ же съ ней! бываютъ вѣдь люди... препротивная дрянь, я вамъ доложу! — Хозяинъ махнулъ рукой.

— Ужь это, знаете, такъ бываетъ цѣлой семьей, гнѣздомъ: — вотъ хоть дѣдъ ея, онъ не мой, проживаетъ только здѣсь, кормимъ его, можно сказать, изъ жалости; молчитъ, стругаетъ, а самъ каналья у-ухъ какой татаринъ! Запорожецъ! какъ камень, шельма! А разъ слышалъ я, какъ толковалъ онъ съ писаремъ про ихняго "хвилозохва Вэрны-гору„—ого-го! даромъ, что ужь можно сказать, одной ногой въ гробу — это большой сахаръ!...

А знаете ли, продолжалъ хозяинъ, выглянувъ въ окно, время хорошее.... Эй, Параска, а Параска! — закричалъ онъ, завидѣвъ ее изъ окна, — а сбігай-же, ну, хутенько у темнйкъ, да принэси бутылочку того мгарського, що отсе, въ кутку, знаешь?—Попробуемте, обратился онъ ко мнѣ, сливнячку добраго, мгарского, старѐнькаго!

Я согласился и спросилъ его, что̀ это за темникъ: уже нѣсколько разъ я слышалъ, что Глашѣ строго запрещаемо было приближаться къ темнику. Я видѣлъ его только издали: въ углу обширнаго огорода, за тинистой засоренной сажалкой или копанкой, густо обросшей зорей и лопухой, возвышалась купа деревъ и кустарника, которую я давно собирался осмотрѣть.

Хозяинъ объяснилъ мнѣ, что темникъ теперь больше ничего, какъ полуобрушившійся холодный погребъ,

очень способный для храненія водокъ и наливокъ. А прежде былъ мѣстомъ склада на зиму колодъ, то есть ульевъ пчелиныхъ; обширный огородъ этотъ, по словамъ хозяина, былъ когда-то до половины густымъ липовымъ садомъ: до полутораста ульевъ стояло здѣсь въ давнее время; но понемногу садъ засорился, деревья посохли, выкорчеваны, и теперь садъ служитъ выгономъ для домашняго скота. Часть его отгорожена подъ огородъ, а темникъ подгнилъ, осыпался, и онъ его только кое-какъ поддерживаетъ для погреба. Но въ сохраненной купѣ деревъ, въ кустарникѣ, сушнякѣ и гнили этой маленькой трущобы, около которой полукругомъ сочилась заросшая сажалка, расплодилось такое множество разныхъ гадовъ, — тарантулъ, ящерицъ, ужей, даже и мѣдянокъ, что никто изъ людей никогда не подходилъ къ темнику. Одна только Параска бѣгала туда — всегда босая — то за водкой, то за сливнякомъ: "Гадина гадині не шкодить!„ примолвилъ съ улыбкой хозяинъ, описывая это обстоятельство.

Было уже поздно; мгарской сливнякъ, послѣ нѣсколькихъ стакановъ, оказался недуренъ.

Хозяинъ собрался домой, я вышелъ проводить его; едва показались мы на крыльцѣ, какъ послышался голосъ Параски:

— А бодай ти подавився, — сси-жь хутко! Она кормила грудью Прошку, сидя на завалинѣ подъ окномъ кухни.

— Вотъ-съ изволите видѣть, какая это вѣдьма-баба-съ! сказалъ хозяинъ довольнымъ голосомъ.

Понемногу срокъ моего отъѣзда приближался; служебныя дѣла мои кончились, и я только ожидалъ еще почты. Таки-порядочно истомился я въ этихъ "гостяхъ„ и не безъ удовольствія думалъ о днѣ отъѣзда.

Съ грустью и сожалѣніемъ встрѣчалъ я по утрамъ у моихъ дверей ползающаго Прошку; *обоешь* этотъ такъ свѣтло улыбался, протягивал свои ручонки, что нельзя было не ласкать его. Бѣдное дитя! Застынетъ и въ тебѣ все то, безъ чего человѣкъ презрѣнъ, и что ростетъ въ немъ и развивается только подъ животворною любовью матери!...

Но тысячами каждый день готовитъ подобныхъ автоматовъ — и долго бродятъ они по землѣ, трудясь съ отвращеніемъ, веселясь безъ радости, коварствуя безъ сознанія. Вспыхиваютъ жизнію слѣпыя лица ихъ только отъ хмѣля передъ полной чаркой, или передъ чужой бѣдой отъ худо-скрываемаго злорадства, или въ упоеніи предательской лжи и обмана. Въ холодной атмосферѣ темнаго невѣжества — вянетъ и гибнетъ все прекрасное и любящее — только и плодится да кишитъ всякое ненавистное зло....

Однажды подъ вечеръ, возвратясь съ прогулки, я зашелъ подъ навѣсъ къ дѣду, прилаживавшему обручи на кадку; возлѣ него копошился въ стружкахъ и Прошка, а поотдаль Параска возилась около лоханки и, извѣстная уже читателямъ, тряпичница развѣшивала свои мокрыя

знамена по прясламъ. Предложивъ дѣду сигару, я понемногу завязалъ съ нимъ бесѣду; опять-таки началъ было я ходатайствовать за Прошку; — я зналъ, что дѣдъ любитъ его, зналъ вліяніе старика на Параску и дивился, почему онъ не удержитъ эту дерзкую на руку женщину: неужели же, думалось мнѣ, всѣ они такъ привыкли къ щелчкамъ и шлепкамъ, что и не замѣчаютъ ихъ? Дѣдъ долго не отвѣчалъ мнѣ, молчалъ, стругалъ, курилъ, поплевывалъ и вдругъ, оставя работу и вынувъ изъ зубовъ трубку, взглянулъ на меня какъ-то особенно серьёзно и сказалъ, указывая своей люлькой на Прошку:

— То-жъ сирота, добродію, вінъ гіршъ відъ сироти: ачи мы відаемо, що зъ нимъ буде на світі? — нехай же втерпицця! — И дѣдъ опять взялся за свои инструменты и сталъ наколачивать на дѣжу обручъ.

Старикъ не сказалъ мнѣ правды. Онъ и не солгалъ, а схитрилъ, какъ поневолѣ хитрятъ честные люди, никогда неизмѣняющіе чужой тайнѣ. А если не было ненависти и озлобленія въ обращеніи Параски съ ребенкомъ, то разумѣется — тутъ была какая нибудь *своя* тайна.

Удовлетворившись вынужденнымъ отвѣтомъ дѣда, я постарался навести разговоръ на его любимую колею— на дѣла минувшихъ дней. Понемногу старикъ увлекся, вошелъ во вкусъ, — полилась его спокойная, безъискусственная, но всегда живописная рѣчь; слова, казалось, терялись въ ней, звуки будто исчезали и точно

въ дремотѣ, подъ тихое журчаніе, видѣлся мнѣ разнообразный и ясный сонъ:

Замерещились передо мной, подъ его ровный говоръ, "довгія списы казацьки„, какъ бы несомыя невидимой силой и, "якъ лисъ підъ вітромъ„ колышущіяся въ туманѣ утра надъ густымъ тростникомъ днѣпровскаго побережья, по ярамъ и ложбинамъ, отъ Чигирина "геть туди до Уманьщины!...„ Это вытечка знаменитаго Нечая съ его безпардонной ватагой — на ужасъ и безголовье цвѣтущей золотыми пажитями Подоліи.

„Геть потекла сграя, якъ вужъ темный,—далій, далій, яжъ по пидъ Гайсинъ, гдѣ стоявъ колысь-то козацькій мурованій стовпъ, зъ написомъ: відай, Ляше, покиль наше!„ И разсказалъ дѣдъ богатырскую гибель Нечая, израненнаго, съ переломленной "шаблюкой„, несущагося на рьяномъ степнякѣ...

Въ отрывочной повѣсти его быстро мѣнялись картины: то яркія, блестящія всею художественной оконченностью, то бѣгло-набросанныя, тусклыя, какъ будто поволокло ихъ туманомъ забытья и давности.

"Съ того-то часу,—продолжалъ онъ, вздохнувши,—дійшло до тіі гайдамаччини, и о се, добродію мій, взчалась тая незапамятна різь Уманьска...

Въ эту минуту въ домѣ послышался тонкій дѣтскій плачъ и всхлипыванье; два голоса грубые, но сдержанно-злобные, прерывали этотъ плачъ распѣвающей угрозой:

"А почкай же! ні, ні, ні, серденько, теперь нэ одмо-о-олисся! будэшь памятать тэмнякъ!„. Плачъ изъ

тонкаго вибрующагося дисканта выросталъ все рѣзче и торопливѣе...

"А ходи—лишь!„ произнесъ сердитый голосъ — и отчаянный крикъ ребенка, крикъ погибающаго, молящаго:—"а бабунечко, а ластівка, а таточко ридненькій мій!„ раздался раздирающимъ непрерывнымъ воплемъ, и только тупые удары мѣрно отщитывались, заглушаемые безконечнымъ взвизгомъ, крикомъ, плачемъ — вдругъ всѣми звуками, какіе выдавливаетъ изъ груди живаго существа терзающая, безпощадная боль.... Это были вопли Глаши.

Я оглянулся: дѣдъ тихо взялъ обручъ, строгнулъ его дрожащай рукой такъ, что онъ погнулся и отстрогнутая половина его опускалась съ чуть слышнымъ трескомъ; Прошка боязливо взглянулъ на домъ широко открытыми глазенками; даже Космачъ приподнялъ уши, воркнулъ и снова положилъ морду на свои лапы. А Параска, румяная, разгорѣвшаяся за работой, нагнувшись надъ лоханкой, обернула къ намъ свою прекрасную головку: она глядѣла на Прошку, и бѣлые зубы ея открылись коварной, ядовитой и грустной улыбкой.

Вотъ тебѣ и Уманьская різь!...

На дворѣ было тихо; въ небѣ замелькали звѣздочки; сверкнулъ нетопырь въ воздухѣ и сдѣлалъ нѣсколько изломовъ, какъ будто чертя какіе-то іероглифы. Всѣ молчали, — слышался сдерживаемый плачъ и горькое всхлипыванье ребенка... А Космачъ лежалъ неподвижно

и, косясь то на одного, то на другаго изъ насъ, какъ будто хотѣлъ спросить: "а что-молъ, люди?„

Я вошелъ къ себѣ въ комнату, вынулъ изъ портфеля подорожную и приказалъ Берковичу идти на почту, потребовать лошадей къ тремъ часамъ утра и сказать ямщику, чтобы подвязалъ колокольчику языкъ. Затѣмъ, заперся и залегъ на кровать. Отчаянный вопль ребенка долго отзывался въ моихъ ушахъ, и я невольно прислушивался: все казалось, что кого-то сѣкутъ....

Въ эти несносныя минуты, пока я ожидалъ возвращенія Берковича, мнѣ все казалось, что я добровольно участвую въ какомъ-то постыдномъ заговорѣ противъ младенческой немощи.... Скорѣе хотѣлось подальше отъ этой юдоли плача. Но припоминая росписаніе ***ской почтовой станціи, въ которомъ значилось всего двѣ тройки, я въ самомъ дѣлѣ трепеталъ: приди "почта„,—мнѣ угрожаетъ еще свиданіе съ хозяиномъ, — и чѣмъ же отвѣчу я на его улыбку? Вѣдь "есть же всему предѣлъ!„

Берковичъ возвратился немножко "веселый„, пословѣлый: лошади будутъ. Я написалъ нѣсколько прощальныхъ словъ моему хозяину и легъ спать. Благоразумный Берковичъ всегда держалъ въ рукахъ свою миѳологію: Бахусъ у него никогда не ссорился съ Морфеемъ, и я еще не успѣлъ хорошенько пріютиться въ ненагрѣтой постели, а онъ ужъ храпѣлъ во всю носовую завертку.

Было поздно; погасивъ свѣчу, я глянулъ въ окно: у хозяевъ въ окнахъ темно, всѣ спали. Въ тишинѣ ночи донесся оттуда глухой бой часовъ — пробило полночь. Гдѣ-то близко меня скребла мышь; за печкой отозвался сверчокъ, и его мѣрное стрекотанье точно какъ будто сверлило тишину. Изрѣдка, словно повернутый не своей силой, тяжко вздыхалъ во снѣ Берковичъ, но икнувъ или чихнувъ съ негодующимъ звукомъ, опять захрапывалъ не совсѣмъ трезво, но ровно. Выплывалъ мѣсяцъ и темная комнатка моя все свѣтлѣла тѣмъ мертвымъ свѣтомъ, который видится иногда трусливому путнику, ночью идущему мимо кладбища.... Я задремалъ, забывался, можетъ быть уснулъ. Вдругъ дѣтскій вопль раздался такъ близко, какъ будто ребенокъ кричалъ у меня подъ подушкой, и нѣтъ у меня силы проснуться... Встаетъ надо-мной изъ мрака закутанный саваномъ образъ женщины, глядитъ глубокими, изстрадавшимися глазами, и ломаетъ свои блѣдныя руки: "дочь моя, кровь моя, изтязаніе мое вѣчное!...." шепчетъ видѣніе и блѣднѣетъ, разсѣвается, изчезаетъ вмѣстѣ съ туихающимъ крикомъ ребенка... Я очнулся въ ужасѣ, но ничего уже не слышалъ: только пѣтухъ, а за нимъ другой, пропѣли раза по два, издалека отозвались имъ такіе же голоса — и снова тихо. Видно, ужь не уснуть мнѣ эту ночь! Растворивъ окно, я закурилъ сигару и глядѣлъ въ безконечный огородъ.

Понемногу свѣтлѣло: прозрачный розовый отсвѣтъ разливался отъ горизонта, и вдругъ — какъ будто искра бле-

снула въ голубомъ туманѣ вспыхнула на самой вершинкѣ трепещущаго тополя, стрѣлой выбѣгавшаго изъ густой купы темника, — и, какъ медленный огонекъ, перебѣгалъ солнечный лучъ по маковкамъ деревъ, незамѣтно все спускаясь ниже и ниже; подсолнечники, наклоненные къ востоку, раскрывали свои лучеобразные листы, заколыхалась вся зелень. — заря занялась.

Я заглянулъ въ переднюю, изъ которой маленькое окошко выходило на дворъ: Берковичъ храпѣлъ, но вѣроятно воюяво снѣ съ постояннымъ врагомъ своимъ, — хмѣлемъ, совсѣмъ съѣхалъ съ своей позиціи—походной постели, и завалилъ собою выходную дверь. На дворѣ было тихо, весь домъ спалъ, почтовыя лошади еще не пришли. Я опять усѣлся у отвореннаго окна: свѣжее утро уже пробудилось, зелень благоухала, и въ густыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, надъ темникомъ, весело перекликались птички. Мнѣ захотѣлось вблизи осмотрѣть всю эту маленькую трущобу, и я перешагнулъ изъ окна въ огородъ.

Между высокимъ бурьяномъ, лопухой и заглохшими кустарниками бузины, смородины и крыжовника, кругомъ всего огорода была когда-то тропинка, поросшая теперь высокой травой; она тянулась около стѣнъ строеній, поворачивала вдоль частокола и приводила къ темнику съ противоположной стороны дверей его, къ которымъ протоптанъ былъ кратчайшій путь отъ дома.

Я пошелъ по заросшей тропинкѣ, осторожно посматривая въ траву, чтобы не наступить на какую нибудь амфибію; ихъ тамъ было не мало. На дорогѣ попалась

мнѣ мнѣ чрезвычайно красивая букашка: съ каждымъ движеніемъ своимъ принимала она, какъ хамелеонъ, все новые, радужные отливы всевозможныхъ цвѣтовъ; я присѣлъ въ травѣ, чтобъ разсмотрѣть ее; за ней волочился очень проворно предлинный муравей; это было шагахъ во стѣ отъ темника. Шелестъ листовъ заставилъ меня поднять голову: при опушкѣ темника кудрявый кустъ калины качалъ своими вѣтвями, какъ будто серна или другой быстрый звѣрекъ только-что шмыгнулъ черезъ него. Что-то бѣлѣлось въ гущавникѣ, и чуть слышно доносился оттуда тихій, нѣвучій шопотъ.

Наскоро собираясь побороть свое любопытство, я незамѣтно подкрался почти ползкомъ поближе къ темнику: сквозь чащу кустарныхъ и древесныхъ стволовъ, ниже густой листвы, я увидѣлъ на самомъ темникѣ чистую площадку, окруженную кустарникомъ и деревьями. Ничего нельзя вообразить живописнѣе этой роскошной купы самой разнообразной зелени, разросшейся вѣнкомъ на насыпи надъ полуразрушеннымъ подваломъ: внизу по сырой, сочащейся копанкѣ вокругъ темника, какъ гребень длинныхъ перьевъ, зеленѣлъ аиръ, зоря и подъ нимъ стлались круглыя листья лотоса, съ своими ярко-желтыми цвѣтами. Выше, по берегамъ въ травѣ блистали кой-гдѣ утренними росинками голубыя незабудки; еще выше разростались самосѣвы тимоѳеевой травы, цикорія, кравника, дикой ромашки, зубчатаго папоротника, полыни, душистой мяты,—и сотни различныхъ травъ и цвѣтовъ, какъ ковромъ, одѣвали покатые

бока темника. Колючая облепиха, сверкая золотистыми ягодами, начинала собой рядъ кустарниковъ; за ней раскидывался орѣшникъ и шиповникъ, сухіе сучья обвивались повиликой и торчали въ кудрявой зелени; ягоды паслена кораллами краснѣли въ желто-зеленыхъ листьяхъ; тернъ, перепутанный дикимъ плющемъ, за нимъ высокій кустарникъ бѣлой акаціи, сирени, черемухи. И надъ этимъ густымъ вѣнкомъ—роскошная зелень каштановъ, черешни и наконецъ, убѣгающіе къ верху пирамидальные тополи, шепчущіе каждымъ листкомъ своимъ. Тутъ были и цѣлые возы сушняку и гніющихъ вѣтвей; но всюду зелень самая свѣжая, кудрявая такъ окрыла ихъ, такъ роскошно одѣла каждый прутикъ, какъ будто природа въ самомъ дѣлѣ старалась прикрыть свой безпорядокъ передъ строгой и хищной зоркостью попечительнаго человѣка.

Утренній вѣтерокъ разносилъ въ воздухѣ, кажется, цѣлыя струи ароматовъ разныхъ растеній. Заря была въ разгарѣ; прорѣзываясь сквозь гущавникъ вѣтвей, солнечный лучъ падалъ косвенной полосой на желтый песокъ и дернъ площадки; въ золотомъ потокѣ этого луча сверкали разноцвѣтными искорками міріады крошечныхъ летучихъ насѣкомыхъ; зелено-желтоватая, какъ бронзовая, ящерица проворно перебѣгала по сушняку, останавливаясь, и съ частнымъ дыханіемъ устремляла свои насквозь пронзающіе глаза; стрекоза трепетала радужными, прозрачными крылышками; въ вѣтвяхъ порхали и посвистывали пташки, какъ будто съ любопыт-

ствомъ поглядывая внизъ. Я нагнулся впередъ: въ двадцати шагахъ отъ меня, на площадкѣ темника, на пескѣ сидѣла Параска, держа стоящаго на колѣняхъ ея Прошку...

Но какъ мало походили они на себя, какими были еще такъ недавно — вчера только! Чистое, сіяющее лицо прекрасной женщины дышало любовью и счастьемъ; волосы ея, перевитые красной лентой, были собраны такъ, какъ и всегда, на затылкѣ,—но не всклокочены по обыкновенію, а закручены въ богатую косу; бѣлая рубашка прикрывала плечи въ половину и, легко спадая по грудямъ, охватывалась ситцевой юпкой. Изъ-зелена-свѣтлый матовый отсвѣтъ падалъ на румяное лицо ея; она улыбалась, ворковала полушопотомъ пѣсни и, то откинувъ голову на свѣтъ и поднявъ надъ собой ребенка, то вдругъ положа его на колѣни, совсѣмъ приникала лицомъ къ его лицу — любовалась смѣющимся мальчишкой. На глазахъ ея видѣнъ былъ слѣдъ недавно сбѣжавшей дремоты, и тѣмъ ярче горѣли они подъ густыми рѣсницами.

Прошка еще меньше походилъ на ежедневнаго *обеша* Прошку: точно какъ будто онъ сбросилъ съ себя свою кору и очутился розовымъ, кудрявымъ и свѣтлымъ; тонкая рубашонки едва пракрывала его кругленькіе члены. Что съ ними сдѣлалось — отгадывать было некогда.

"Сердэнько мое, кришечко моя!„ шептала мать. — ребенокъ съ радостнымъ смѣхомъ ловилъ ручонками ея лицо; она подкидывала его на колѣняхъ, припѣвала на

разные тоны, переходя безъ всякаго порядка отъ пѣсни къ пѣснѣ; то цѣловала его, называя самыми нѣжными именами, то вдругъ сажала на землю, нагибала зеленую вѣтвь, прятала за нее свое лицо: "а тю-тю! Проша!„—и малютка отвѣчалъ смѣхомъ, восклицаніями: "мамъ! мамъ!„ и, какъ будто разумѣя необходимость тишины, удерживалъ порывы своей дѣтской радости.

Такъ непонятно было для меня это превращеніе, что, казалось, я вижу прекрасный сонъ.

Гибкая, граціозная фигура женщины, роскошныя и упругія ея формы, живой румянецъ, то ярко вспыхивающій съ быстрымъ наклономъ головы, то умѣряющійся въ спокойномъ, на мигъ задумчивомъ положеніи; легкія, прихотливыя движенія безпрестанно мѣняющихся позъ: то вдругъ—съ откинутымъ торсомъ, съ выставленной на полный свѣтъ бѣлой грудью, до плечъ обнаженными руками держитъ она надъ собой ребенка: тонкое колѣно ея приподнято, въ полусвѣтѣ обрисовался мягко-стушованный контуръ почти всей ноги, полутоны бѣгутъ въ густую тѣнь.... То, нагнувшись и поджавъ ноги, вдругъ она спрячетъ лицо: золотымъ бликомъ падаетъ лучъ на черную, лоснящуюся косу, блеститъ на мраморномъ плечѣ и локтѣ, и только кончикъ ноги чуть выглядываетъ изъ-подъ складокъ юпки.

Она пропѣла Прошкѣ чуть ли не весь репертуаръ дѣтскихъ пѣсенъ, которыми такъ богата Малороссія: всѣ ребяческія продѣлки, которыми забавляютъ дѣтей, кажется, были повторены ею; лицо ея перепробовало

всѣ движенія радости и нѣсколько разъ въ перемежку останавливалось на немъ мгновенное выраженіе тихой грусти, — но счастіе ея тогда казалось еще полнѣе....

И, какъ будто утомясь, переполнясь имъ, она вдругъ задумалась, долго глядѣла на ребенка,—словно отыскивая и узнавая въ немъ дорогія черты, прижала его къ груди, еще взглянула въ его свѣтлые глазенки: подъ темной рѣсницей ея сверкнула слеза, — и чуть слышный, тонкій, дрожащій голосъ запѣлъ грустную мелодію... Первыхъ словъ ея я не могъ разслышать, — чуть шевелящіяся губы пѣли:

..... «якъ я бідна плачу:
«За дрібными слізонками
«И світа не бачу!...
«За дрібни....»

— Ваше высокоблагородіе! а ваше высокоблагородіе!—раздался изъ моего окна голосъ Берковича: гдѣ вы?

Она вздрогнула, притиснула къ груди Прошку и быстро, какъ ужаленная, вскочивъ на одно колѣно, устремила свои черные испуганные глаза по направленію голоса, который продолжалъ какую-то недовольную рѣчь. Я не смѣлъ шевельнуться и совсѣмъ приникъ подъ широкой листвой лопухи. Послышался легкій шелестъ, я поднялъ голову: передо мной стоялъ Космачъ, махая своимъ глупымъ хвостомъ.—а за темникомъ, межь кустарниковъ и растущаго вдоль досчатаго забора бурьяна, виднѣлись надъ зеленью, быстро удалявшіяся, прижавшіяся другъ къ другу двѣ головки....

Я возвратился къ себѣ въ комнату тѣмъ же путемъ, которымъ вышелъ оттуда. Берковичъ съ сумкой черезъ плечо, въ шапкѣ, совсѣмъ готовый въ дорогу, упершись руками въ боки и повѣсивъ голову, стоялъ въ раздумьи передъ столомъ, на которомъ съ вечера оставилъ я записку хозяину. Слышно было, какъ похрапывали кони передъ крыльцомъ; вещей моихъ въ комнатѣ уже не было.

Заслышавъ движеніе мое, Берковичъ быстро обернулся: "а я спужался, ваше высокоблагородіе: всталъ, а васъ нѣтъ, и ничего не могъ знать, что тутъ дѣлать!„ объяснялъ онъ, подозрительно поглядывая на меня.

— Готово? спросилъ я.

— Все готово; вотъ только "щекотулку„ да эти двѣ бумаги уложить!

"Щекотулку„ я велѣлъ отнести въ повозку, бумаги — одна въ почтовую контору "о пересылкѣ какъ казенной, такъ и частной на имя мое корреспонденціи въ Г., В—ской губерніи„, а другая, прощальная съ хозяиномъ,—оставлены на столѣ.

Богъ съ тобой, мое кочевое жилище!... На дворѣ не было ни души, еще всѣ спали, мы сѣли съ Берковичемъ — лошади тронулись! Космачъ скакалъ около телѣги, поглядывая на насъ очень любезно; въ воротахъ тройка стѣснилась. Космачъ прозѣвалъ и попалъ-было въ тѣсное положеніе — между осью и воротнымъ столбомъ, но вывернулся изъ бѣды отчаяннымъ пируэтомъ, произведеннымъ съ танцмейстерскою ловкостію. На ули-

цѣ пусто, всѣ ставни заперты. Проѣхавъ мимо хозяйскихъ слѣпыхъ оконъ, тройка завернула направо, вдоль сѣраго забора, въ концѣ котораго широко выдвинулись на улицу кудрявыя вѣтви каштана "нашего темника.„ На заворотѣ стоялъ дѣдъ. "Стой, ямщикъ!„

Крѣпко обнялъ я почтеннаго старца; мы простояли съ нимъ съ минуту — и не сказали ни одного внятнаго слова другъ другу; только когда тронулись кони, онъ послалъ за мною христіанское напутствіе.

А изъ зелени темника черезъ сѣрый заборъ глядѣла кудрявая головка Прошки: мальчикъ улыбался и вытягивалъ ко мнѣ ручонки; звонкій знакомый голосъ слышался вслѣдъ: "счастлива дорога, добродію!„

Ямщикъ стегнулъ лошадей. — "Ось я тобі, москальчя!„ крикнулъ онъ, грозя плетью розовому мальчишкѣ,—и зазвякалъ звонокъ, колотясь подъ дышломъ. Пока мы прощались съ дѣдомъ, ямщикъ успѣлъ освободить ему бренчащій языкъ.

Неслась тройка; мимо летѣли понурыя мазанки, словно еще спящія подъ своими очеретными шапками; кой-гдѣ курился изъ трубы голубой дымокъ. Толкнулась телѣга въ ухабѣ заставы; какая-то рембрантовская мрачная фигура, сидящая у ветхаго логовища въ видѣ будки, съ желѣзной палкой и съ мѣдной бляхой на обширномъ, ободранномъ зипунѣ, — приподняла шапку. Сквозь алею черешень направо и налѣво мелькали огороды, поля, луга; полосатая верста словно дремала,

вытянувшись и спрятавъ свой нумеръ за раскинувшуюся вѣтвь черешни.... Звонокъ звенѣлъ....

— А не очень хорошіе были тутъ люди! отозвался Берковичъ, но не получивъ отвѣта, зѣвнулъ разъ-другой и, хлопая вѣками, началъ поклевывать носомъ.

Въ быстромъ движеніи глубже пахнуло въ грудь освѣжающей струей воздуха; но головѣ моей было тяжело, — я думалъ о темникѣ.

Такъ вотъ она, эта щель, сквозь которую такъ щедро сыплетъ свои золотые, живительные лучи благое солнце, — вотъ гдѣ угнетенное чувство запасается всегда обновляющейся, несокрушимой силой!...

— Не сказка же — вѣчно-цвѣтущіе сады, хранимые гадами и чудовищами! И что бы ты дѣлала, прекрасная мать, безъ твоего *темника*, такъ дружелюбно, покровительно осѣняющаго тебя съ твоимъ любимымъ малюткой отъ чернаго глаза раздраженныхъ притѣснителей? А тутъ — вся природа, все живущее, копошащееся, цвѣтущее — все вьется около тебя, довѣрчиво, игриво, какъ будто забывая свои жала, свои яды; и дышутъ кругомъ тебя, помавая красивыми головками, всѣ цвѣты, источающіе въ воздухъ — какія есть у нихъ благоуханія.

Тутъ можешь ты, во всей непокровенной красотѣ твоей, со всѣми чарами любящей души — лелѣять, пестовать, нѣжить твоего ребенка, и оплакать горячей слезой разъ навсегда проклятую и навсегда порѣшенную необходимость — угнетать передъ людьми то, что

тебѣ такъ мило: угнетать свое родное дитя только для того, чтобы отводить отъ него чужую, холодную, ни чѣмъ несдержанную и безжалостную руку! Хоть мигъ одинъ, — но тутъ ты любишь не украдкой, не одной мыслію и бережно скрываемымъ чувствомъ, — а разомъ всѣми прекрасными способностями души, которыми природа щедро надѣлила все живущее на землѣ, для полнаго и чистаго счастія.

Мы въѣхали въ перелѣсокъ; волны звука, разбиваясь о стѣны лѣса, не неслись въ даль,—сливались въ одну стонущую ноту; звонокъ гудѣлъ какимъ-то укорительнымъ гуломъ; изъ темнаго лѣса вѣялъ еще несогрѣвшійся ночной холодный воздухъ; подсолнечная сторона дороги вся сіяла облитая свѣтомъ.... Какъ хорошо подальше, и что мигъ, то дальше, — нестись отъ непріязненнаго мѣста: но какъ грустно думать о тѣхъ, которые остались тамъ, которымъ выпала на свѣтѣ горькая доля безъисходнаго страданья!.... Грустная дума — не уйдешь отъ тебя никуда!....

По сердцу ползешь ты, безотвязная память людскихъ бѣдъ, какъ змѣя по камню, какъ ржа по желѣзу; и не больно бы — да по слѣдамъ-то твоимъ накипаетъ ядъ и сочатся кровавыя слезы!....

Но гдѣ же пути по цвѣтамъ? — Гдѣ лежатъ они, безбѣдные, счастливые отъ колыбели и до могилы? У кого же изъ насъ, друзья, нѣтъ своего дорогаго горя, своего обоеша, роднаго своего Прошки? Развѣ менѣе прекрасно и менѣе горячо любимо родное дитя души —

мысль, которую лелѣешь, надъ которой плачешь въ иномъ.—такъ же никому недоступномъ, такъ же уединенномъ, тоже стерегомомъ гадами молчанія — темникѣ?... Развѣ не гнетешь и не искажаешь ее передъ глазами людей, съ подавленнымъ страданьемъ въ душѣ, съ поддѣльною злостью на лицѣ? И развѣ не можетъ измять и переѣхать ее колесомъ, какъ этого самаго Прошку, — какая нибудь иная, еще болѣе нелѣпая, чортъ знаетъ куда несущаяся тройка!....

О какъ счастливъ ты, мой добрый, беззаботный читатель, если нѣтъ у тебя никакого Прошки, — нѣтъ у тебя ничего и никого задушевнѣе и дороже самого себя!...

Тройка моя, несдержанная летѣла съ горы; лѣсъ рѣдѣлъ, дорога вилась черезъ долину: вольнѣй на просторѣ заструился согрѣтый воздухъ — и разсыпая трели, захохоталъ колокольчикъ, словно пойманный во снѣ и защекотанный блудящимъ хороводомъ русалокъ — лѣшій!...

LIBRARY OF CONGRESS
00025258666